

ИНТЕРВЬЮ

Борис Зусманович Докторов

доктор социологических наук,
профессор, независимый исследователь

Лариса Алексеевна Козлова

кандидат философских наук,
зам. главного редактора
«Социологического журнала»

Поколенческо-функциональный анализ истории российской социологии: обсуждение

Наши беседы с Борисом Докторовым о его историко-биографическом исследовании российской социологии стали определенной традицией. Исследование родилось на рубеже 2004–2005 годов, а наш первый разговор состоялся в начале 2007 года [Докторов, Козлова, 2016а], когда лишь складывались основные поисковые линии и были проведены первые интервью с советскими / российскими социологами. Время показало, что каждое наше обсуждение либо происходило на некоем переломном рубеже проекта, либо, по мнению Докторова, становилось важной вехой в исследовательском процессе. Надеюсь, что и этот обмен мнениями не станет исключением. Но предварительно я немного расскажу о содержании названного исследования.

Прежде всего отмечу, что настоящий теоретико-эмпирический проект основан на масштабном сборе и анализе биографических интервью с российскими социологами. Поначалу он связывался лишь со сбором автобиографий, «портретированием» социологов, которые изучали общественное мнение в Советском Союзе и в постсоветской России, что само по себе интересно. Однако после того как было собрано некоторое количество биографических интервью, возникло два направления их

анализа. Первое обозначается автором как *история в биографиях*, второе — *биографии в истории*. «История в биографиях» формулирует перед собой вопросы о том, что можно узнать о становлении и развитии социологии из рассказов ее участников и очевидцев; «биографии в истории» подразумевают исследование того, как история страны отражена в автобиографиях социологов, какое влияние она оказала и оказывает на их профессиональные воззрения и жизнь в целом. Иными словами, формулировалась задача через воспоминания социологов исследовать одновременно историю социологии и динамику профессионального сообщества в России как срез истории нашей страны и общества.

По мере накопления биографического материала, которое с разной степенью активности происходит свыше десяти лет, Докторов постоянно размышлял над методологией анализа собранной информации, в частности — о методах «перевода» личностных биографических данных в социально-исторический аспект. Одними из наиболее значимых на этом пути стали две методологические идеи: *классификация* социологов современного, послевоенного этапа развития советской / российской социологической науки на *поколения* и, соответственно, *поколенческий подход* к истории становления и развития современной российской социологии. Таким образом, главной единицей анализа, как я понимаю, стало поколение социологов, но я не думаю, что автор отошел от исходной трактовки своего проекта как «человекоцентричного», или «антропологического». К тому же ему в полной мере удалось удержаться в его базовом намерении сделать историю *многолюдной* и привлечь к ее написанию *много авторов*.

Теперь мы приближаемся к основному предмету нашего разговора. К настоящему моменту Докторовым проведено более 150 интервью с российскими социологами всех ныне действующих поколений. Это уже очень серьезная база и поле для углубления методологии анализа и проведения собственно исторических наблюдений и обобщений. Предложенная им профессионально-возрастная стратификация включает в себя семь действующих поколений и, по его оценкам, вот-вот ожидается вступление в науку представителей восьмой когорты; она включает социологов, родившихся в интервале 1995–2006 гг. Ведущий параметр поколенческой классификации Докторова — это год (период) рождения.

На этом этапе исследования возникла естественная необходимость в отыскании свойств, переменных, которые отличали бы социологические поколения от просто поколений современного российского общества. Так появились понятие «*функция поколений*», или «*доминантная функция поколений*», применяемое к поколениям социологов, и основанный на этом понятии методологический подход — *поколенческо-функциональный анализ (ПФА)*.

По договоренности с Борисом Докторовым, мы и будем обсуждать процесс рождения ПФА и его планы относительно работы в этой парадигматике. Здесь явно намечается своего рода переломный этап, ибо, во-первых, ПФА рассматривается исследователем в качестве главного методологического результата ранее проведенной работы и, во-вторых, в течение года-полутора он планирует полностью свернуть процесс интервьюирования социологов и сконцентрироваться на анализе собранного биографического материала.

Добавлю к сказанному, что Борис Докторов, помимо названных биографических интервью с социологами, опубликовал фактически целую библиотечку работ по проекту. Среди них, по его замечанию, «одна теоретико-методологическая книга

и четыре сборника интервью с социологами из разных регионов России (Поволжье, Екатеринбург, Тюмень и Дальний Восток); около 50 биографических материалов, в том числе книги о Б. А. Грушине и В. А. Ядове. Две онлайн-книги (одна из них — девяти томник [Докторов, 2016б]), которые вышли в нескольких изданиях. Наверное, общее количество опубликованных материалов заметно превышает 200 единиц» [Докторов, 2016в]. Укажу здесь еще электронный архив «Международная биографическая инициатива» [International Biography Initiative, URL: <http://cdclv.unlv.edu/programs/bios>], созданный Докторовым и профессором социологии Университета Невады в Лас-Вегасе Дмитрием Шалиным; архив содержит уже не менее 400 единиц хранения — разного рода информацию (автобиографии, аналитику, очерки и т. д.) по крайней мере, о трехстах социологах России. Очевидно, что любое серьезное исследование советской и постсоветской социологии не сможет обойтись без обращения к этому богатому материалу.

А теперь перейдем к вопросам и ответам.

— **Борис, судя по всему, автобиографию саму по себе ты считаешь историческим источником. В какой степени он объективен? Как повысить объективность этого источника при написании истории социологии?**

— Все несколько сложнее, здесь нет категорического «да», но нет и безусловного «нет». Ты знаешь мой спор с недавно скончавшимся социологом первого поколения В. Э. Шляпентохом, с которым я много лет был в добрых, дружеских отношениях. Он неоднократно говорил, что биографическим интервью нельзя доверять, что они не могут быть положены в основание исторического повествования. Но пришло время, я провел интервью с ним и через пару лет спросил его: «Володя, что в твоём интервью следует убрать, ибо это ложная информация?» Рискну теперь и тебе задать этот вопрос, отвечать необязательно...

— **Такой вопрос неэффективно задавать самому герою интервью. Он не может на него ответить. Здесь должны быть другие источники и критерии «истинности»... Думаю, они у тебя есть...**

— Мое понимание информации, собранной в ходе интервью, многослойно, и я вижу, как в процессе работы количество этих слоев нарастает. Я не рассматриваю биографию, рассказанную в моем интервью, лишь как набор фактов, скорее это факты, представленные в многослойной «обертке» прожитых лет, впечатлений, эмоций. Но я вижу, как после смерти моего собеседника, к сожалению, за годы исследований многих не стало, все рассказанное часто становится единственным или наиболее полным источником о жизни нашего коллеги. И тема объективности рассказанного как-то отступает на задний план.

Затем, большой архив информации позволяет сопоставлять сказанное одним с рассказанным другим(и). К примеру, на философском факультете ЛГУ одновременно или практически одновременно (с разницей в год — два) учились следующие мои респонденты: А. В. Баранов, В. Я. Ельмеев, А. Г. Здравомыслов, А. А. Русалинова, Л. Н. Столович и В. А. Ядов. Беседы с ними были сугубо индивидуальными, так что о «сговоре» здесь не могло быть и речи. Таким образом, у меня есть богатая информация о характере их студенческих лет, о содержании курсов, которые им читали. Но при этом, по воспоминаниям Ельмеева, им читали дореволюционную социологию, тогда как Баранов, Здравомыслов и Ядов имели противоположную точку зрения по этому поводу. И дело здесь не в ошибках памяти, а в понимании ими границ социологии.

Или другой пример — кто переводил на русский язык известную книгу У. Гуда и П. Хатта по эмпирическим методам социологии? Хотя перевод не был издан, по ней осваивали методы многие из приезжавших в социологическую лабораторию Ядова. Лишь «столкновение-сравнение» воспоминаний Э. В. Беляева, А. Г. Здравомыслова, И. С. Кона и В. А. Ядова помогло распутать этот клубок.

В своем анализе я исхожу из следующих презумпций. Первая: специально мой собеседник не лжет мне, не вводит меня в заблуждение. Вторая: информация, определенно, неполна, фрагментарна, но главное, самое важное, по мнению отвечающего, она содержит. Так, по мелким кусочкам воспоминаний, содержащихся в интервью с Э. В. Беляевым, Т. И. Заславской, Т. З. Протасенко... удалось восстановить некоторые важные детали о том, как 16–19 февраля 1966 года проходил в Ленинграде Первый Всесоюзный симпозиум социологов. Или — у меня есть два воспоминания В. А. Ядова об акте рождения его диспозиционной теории личности. Детали там разные, но суть — неизменна.

Таким образом, в биографической информации присутствует разный по степени «объективности» материал. Его валидизация, объективизация — длительный, возможно, не имеющий завершения процесс. Но в любом случае собранный материал, по моему убеждению, весьма полезен для восстановления, описания нашей истории. Тем более что часто другого материала у нас (уже) нет и, к сожалению, не будет. В моей практике есть несколько случаев, когда я не мог собрать ничего — кроме данных из «листка по учету кадров» — о людях, внесших заметный вклад в становление нашей социологии и умерших на рубеже прошлого и текущего столетий.

Много лет назад я отмечал, что история может быть правдивой, только если она полна. В тот момент я представлял нашу историю в виде множества «белых пятен», внутри которых и в пространстве между которыми есть нечто изученное, известное и считал, что наша история была слабо наполнена именами тех, кто ее делал и продолжает делать. Последнее виделось как одно крупное «белое пятно». Хочется думать, что сейчас, благодаря усилиям ряда исследователей, ситуация несколько улучшилась, но предстоит еще очень многое сделать.

Вот это и есть исчерпывающий ответ на твой вопрос: объективность каждого биографического источника — это величина, зависящая от степени изученности нашего прошлого. Конечно, справедливо и обратное.

— **Ну, хорошо... Давай перейдем непосредственно к ПФА. Пожалуйста, определи два своих понятия, лежащие в основе такого анализа — «поколение социологов» и «доминантная функция поколения». Каковы признаки, отличающие поколения социологов от поколений в социально-демографическом смысле этого понятия? Как выделялись (измерялись) доминантные функции поколений?**

— Вопрос сложный уже потому, что это базовые понятия, которые — так часто бывает в науке — в своей дефиниции малосодержательны, они раскрываются (или отбрасываются навсегда) постепенно, через практику работы с ними.

Концепция социологического поколения появилась в моем исследовании в середине 2007 года скорее в связи с интуитивным видением характера будущей работы, чем как ответ на встретившиеся трудности анализа эмпирической информации. Многолетний опыт подсказывал, что по мере накопления интервью потребуется их систематизация, объединение в какие-то группы, кластеры, отвечающие историческому, динамическому взгляду на биографический материал. И здесь, мне кажется, поколенческий подход был естественным, тем более что некоторые соображения

относительно наличия поколений в современной отечественной социологии высказывались в специальной литературе. Таким образом, мне не надо было *доказывать* необходимость поколенческой стратификации нашего профессионального сообщества, но следовало предложить конструктивное решение этой задачи.

Главное в том, что я подходил к поиску такой стратификации не как социолог или демограф, а как математик, знавший общие принципы типологического, таксономического анализа и имевший определенный опыт разработки правил типологизации. Постараюсь в общих чертах описать ход моих рассуждений.

Прежде всего, когда я пытался нащупать поколенческие интервалы в привязке к истории страны, я понял, что здесь никакой однозначности не может быть. Примерялся к своему, военному, поколению, но где его «начало» и где «конец»? Простейший вариант: 1941–1945 гг. рождения. Но один из моих респондентов, родившийся осенью 1945 г., настаивал на том, что он «послевоенный». Да и продолжительность поколения, определяющаяся пятью годами рождения, казалась мне короткой; в демографических, статистических построениях поколения примерно вдвое продолжительнее. К тому же уж очень навязчиво пятилетие ассоциируется у нас с «пятилеткой социально-экономического развития».

После долгих попыток определения хроногранич поколений социологов я пришел к заключению о том, что существует лишь один способ *освободиться* от давления «Монблана» частностей — сделать все поколения *равной* продолжительности. Легко понять, что таким образом я фактически отказался от *априорного соотнесения* границ поколений (или их продолжительности) с социальным фоном.

— *Довольно странное решение...*

Верно, но это внешне парадоксальное решение в действительности оказалось весьма плодотворным. Оно избавило меня от тяжести принятия *ad hoc* решений о границах поколений и, таким образом, объективизировало, алгоритмизировало процесс отнесения социологов к поколениям.

После этого оставалось лишь определить длительность поколенческих интервалов. Прежде всего, было понятно, что внутри поколения на каком-то этапе анализа возникнет необходимость разделения его на «старших» и «младших» представителей. Таким образом, длительность поколенческого интервала, измеряемая годами, по определению, должна была выражаться четным числом. Далее открылся тот факт, что в некоторых задачах внутри поколения придется выделять «старшую», «среднюю» и «младшую» группы, и потому лучший вариант — если длительность поколенческого интервала будет кратной трем. Минимальное число, одновременно делящееся на 2 и 3, — это 6. Но такая короткая продолжительность социологического поколения мне сразу показалась абсурдно короткой, ведь поколение живет: оно должно сложиться, набрать силу и лишь потом «уступить» место следующему. Поэтому продолжительностью всех поколений было избрано число 12. И сегодня наша пирамида поколений образована семью ступенями «высотой» в 12 лет (табл. 1).

Однако насколько я помню, это правило не выполняется для второго поколения социологов.

Верно, но в этом есть резон. Начиная со второй половины 1930-х, в СССР не проводились социологические исследования, да и сама «социология» трактовалась как чуждая, буржуазная наука, соответственно не было исследователей, называвших себя социологами.

Замечу, что полное отрицание проявлений социологической деятельности в период межвременья сейчас в научной литературе пересматривается. Что не отменяет установленного факта: перерыв в существовании социологии как исследовательской и учебной дисциплины, бесспорно, был...

На волне политической «оттепели» на рубеже 1950-х и 1960-х годов в Москве, Ленинграде, Свердловске и еще в нескольких городах стали проводиться социологические, часто их называли конкретными социальными, исследования, в стране появились *первые* социологи. Через несколько лет к ним стали присоединяться не только молодые философы, историки, экономисты, составившие в моей классификации третье поколение, но и фактически ровесники «первых». Они имели тот же, что и «первые» жизненный опыт, аналогичное образование, некоторые уже были кандидатами наук, но не обладали социологическими знаниями и опытом. Они становились «первыми учениками первых социологов», быстро нагоняли своих более опытных коллег, но все же — как показывают интервью, не вливались в первую когорту. Этот исключительный факт — свидетельство, отражение «ненормального», с провалом, развития российской социологии и появления того, что я называю «один возраст — два поколения».

Сейчас я думаю, что совершил бы большую логическую, собственно историческую и этическую ошибку, если бы пытался в одном поколении соединить две группы исследователей старшего возраста, не обращая внимания на генетические различия этих образований. И что важно, когда советская социология начала конституироваться, и процесс ее развития постепенно нормализовался, такого расщепления одного возраста или, напротив, искусственного слияния двух возрастных групп не требовалось. Потребность в подобных построениях не обнаруживалась в эмпирической информации.

Скажу немного о том, как я сейчас отношусь к сделанному десять лет назад. Мне кажется, что моя конструкция поколенческого строения нашего сообщества не только решила исходную задачу — упорядочить не совсем тривиальным образом биографическую информацию и помочь в планировании процесса интервьюирования, но и позволит успешно перейти от индивидуального уровня рассмотрения собранных данных (биографии большого числа советских и постсоветских социологов) к анализу развития нашей науки. Не могу не отметить и того факта, что, несмотря на множество моих публикаций методологического и эмпирического характера, в которых многое построено вокруг концепции социологических поколений, мне пока не встречалась развернутая критика предложенного подхода к поколенческой организации нашего профессионального сообщества. В значительной мере я объясняю это алгоритмичностью определения границ поколений и прописки исследователя к определенной поколенческой «квартире». В моем понимании, от принципа равенства протяженности поколенческих интервалов можно будет *отказаться* лишь при наличии весьма серьезных аргументов собственно исторической и конструктивно-методической природы. Причем речь непременно должна идти о построении именно *конкурентной* модели, то есть предлагающей иную, но обязательно *полную* систему поколений.

— *Можно ли сказать, что в процессе появления новых интервью ты автоматически, то есть лишь на основании возраста твоих собеседников, зачисляешь их в то или иное поколение?*

Прежде всего — по поводу «автоматически». Напомню, в действительности я сразу ввел *два критерия* принадлежности к поколению: год рождения и процедура или процесс вхождения исследователя в социологию. Ведь второе поколение, как отмечалось выше, отличается от первого лишь особенностями вхождения в социологию; будучи одного возраста с социологами первого призыва, они входили в социологическую науку несколько позже в статусе их «учеников», «последователей». Так что, уточнив, как исследователь, годы рождения которого заключены в интервале начало 1920-х — 1934 г., входил в социологию, я, фактически по умолчанию, то есть однозначно, отношу его к одному из двух первых поколений.

Конструирование поколений было «математическим», но уже на первых шагах разработки типологии выделенные поколения получили свои названия в привязке к событиям в истории страны, которые во многом определили личностные, гражданские установки социологов каждой страты.

— *Борис, не мог бы ты кратко аргументировать выбор названий, которые ты дал поколениям?*

Ясно, что для социологов Поколения I (табл. 1) не надо было долго искать «имя», оно давно дано самим временем и плотно закрепилось в нашей историографии. Это — шестидесятники. Большинство из представителей первой когорты вошло в жизнь вскоре после смерти Ленина, в годы свертывания нэпа и перехода к развернутому строительству социализма; на рубеже 1920–1930-х гг. зарождался культ личности Сталина. На годы их детства / юности пришлось массовые репрессии конца 1930-х, а затем — война. Старшие участвовали в ней, младшие испытали всю тяжесть военного времени. Многих из них потрясла смерть Сталина, казалось, что потеряны главные ориентиры жизни. Их поздняя юность и ранняя молодость прошли в период политической «оттепели», наступившей после доклада Н. С. Хрущёва о культе личности Сталина на XX съезде КПСС (февраль 1956 г.), десталинизации. Свою профессиональную (социологическую) деятельность они начинали на рубеже 1950–1960-х гг., практически «с нуля», осваивая и азы, и достижения западной социологии.

Таблица 1

Лестница поколений в постхрущевской российской социологии

Номер поколения	Годы рождения	Социально-хронологическое название поколения (структурный подход)	Доминантная функция поколения (деятельностный подход)
I	1923–1934	Шестидесятники (первая волна)	Конституирование социологии как самостоятельной науки
II	1920-е — 1934	Шестидесятники (вторая волна)	Расширение предметного поля исследований
III	1935–1946	Военное	Развитие эмпирических методов
IV	1947–1958	Первое послевоенное	Сохранение достигнутого, испытание нового
V	1959–1970	Постоттепельное	Обогащение парадигматики и методологии
VI	1971–1982	Предперестроечное (годы застоя)	Определение характера постсоветской российской социологии
VII	1983–1994	Дети перестройки	Вхождение в глобальное социологическое сообщество

Как отмечалось выше, представители *второго* поколения по возрасту в среднем лишь немного моложе ученых, образующих первую возрастную когорту, но система их ценностей формировалась в том же социальном пространстве, что и «первых». Лишь в силу разных жизненных обстоятельств «вторые» пришли в социологию несколько позже «самых первых»; и обе эти когорты относятся к «шестидесятникам». Однако «первые» — так сложились их судьбы — входили в социологию *азартно, горячо*, «вторые» — более трезво, взвешенно, они *отказывались* от ранее избранного ими профессионального пути (среди них были журналисты, партийные и комсомольские работники, юристы, учителя и т. п.).

Детство *третьего* поколения пришлось на годы войны; старшие в полной мере хлебнули ее тяготы и помнят нелегкое послевоенное время. Атмосфера «оттепели» осознавалась представителями этого поколения через песни Окуджавы, стихи поэтов-фронтовиков и поэтов евтушенковского «призыва». Общая социальная, идеологическая среда, в которой формировалась эта профессионально-возрастная группа, делала их менее политизированными, чем старшие социологи, менее скованными в своих рассуждениях об общественном устройстве, более критичными в отношении советской политической системы.

По своим политическим взглядам, по общему мироощущению многих социологов третьего, «военного» поколения можно назвать младшими шестидесятниками.

Четвертое поколение социологов — первое послевоенное — формировалось в атмосфере, складывавшейся в СССР после смерти Сталина. XX съезд КПСС и «венгерские события» не могли коснуться их напрямую, но освоение целины, запуск первых спутников Земли и полет Юрия Гагарина в космос, Пражская весна — суть составляющие той социальной атмосферы, в которой прошла их юность и ранняя молодость. По возрасту — это поколение детей социологов первого призыва.

Пятое поколение взрослело вместе со становлением и трансформацией брежневской эпохи: строительство БАМа и начало войны в Афганистане, Хельсинкский мирный договор и ссылка А. Д. Сахарова в Горький. Великая Отечественная входила в сознание многих представителей этого поколения через чтение «Малой земли» и вручение в 1978 г. ордена «Победа» маршалу Л. И. Брежневу.

Представители *шестого* поколения в детстве тоже наблюдали все это, но их гражданское сознание формировалось уже в годы Перестройки и реформ М. Горбачёва и Б. Ельцина. О войне они узнавали уже не от родителей, но от дедушек и бабушек, песни Галича и Окуджавы были для них менее «своими», чем песни Высоцкого, Гребенщикова и Цоя.

Беседы с социологами седьмой профессиональной когорты показывают, что они нацелены на получение российского и западного социологического образования, приобретение опыта работы в зарубежных исследовательских, аналитических организациях. И это не «пустые мечты», молодые социологи готовы к этому. И важно отметить тот факт, что в середине и второй половине текущего века именно эта группа наших сегодняшних коллег будет связующей между сегодня еще не видимыми поколениями и теми, кто стоял у истоков послевоенной российской социологии. Ведь представители ожидаемого *восьмого* поколения (годы их рождения: 1995–2006 гг.), старшим из которых сейчас лишь немногим более 20 лет, уже не смогут вспоминать о своих непосредственных контактах с социологами первых поколений.

— *Теперь, видимо, можно перейти к рассказу о «доминантных функциях поколений» и о признаках, отличающих в этом плане социологические поколения?*

Это верно, но начну с некоего общего рассуждения. Я специально привел некоторые детали процесса конструирования лестницы поколений, акцентируя тот факт, что это были «пифагорейские», чисто математические построения. В принципе поколения можно обозначать просто номерами. Однако сразу было видно, что задачи историко-научного анализа потребуют введения содержательных названий поколений, в которых отражались бы либо особенности времени *социализации* соответствующих поколений, либо специфика процесса их *профессионализации* и *профессиональной деятельности*.

Приведенные в третьем столбце таблицы 1 имена поколений, сложились в 2007–2008 гг. и отвечали тому, что сейчас я могу обозначить, как *структурный* взгляд на стратификацию российского социологического сообщества. В последующие годы важнейшей и крайне трудоемкой частью данного исторического проекта оставался сбор биографической информации, но одновременно осуществлялось ее «зондирование». Для того круга задач, которые я рассматривал, подобное структурное прочтение процесса формирования и функционирования поколений было достаточным: постепенно увеличивалось количество социологов нескольких первых поколений, и процесс интервьюирования охватывал нарождавшиеся поколения; прояснялось то общее, что было присуще сложившимся и новым исследовательским сообществам и что привносилось «новичками». Вместе с тем постоянно ощущалась недостаточность структурной типологии, в ней в целом учитывались макроизменения, присущие в целом населению страны, но она не принимала во внимание изменений, происходящих в социологической науке.

Постепенно, в рамках структурной интерпретации поколений складывалась *деятельностная*, призванная учитывать важнейшее историческое предназначение каждой профессионально-возрастной группы социологов, или основной смысл ее исследовательской деятельности. В 2010–2011 гг. поиски в этом направлении вылились в отыскание *функций* поколений, и некоторые смутные представления о них были изложены в книге «Современная российская социология» [Докторов, 2013], изданной Европейским университетом в Петербурге в 2013 году. К тому моменту было проведено немногим более полусотни интервью с социологами лишь первых четырех поколений. И все же мне представлялось оправданным говорить о ведущих ролях и функциях профессиональных когорт в процессе становления в СССР социологии. Отмечалось, что эти роли не распределялись каким-либо режиссером, внешней силой, властными институтами, они были избраны участниками процесса самостоятельно и часто выстраданы. Путь каждого социолога во многом был случаен, а вот функции поколений — закономерны, объективны. Они — следствие исторических процессов, составляющих фон и суть второго рождения современной советской / российской социологии. В начале 1960-х гг. «процесс пошел», и далее на десяток лет все было, по большому счету, предопределено. Сошли бы пионеры с той стези, на которую их вывели политическая «оттепель» и стремление в рамках марксизма искать новые социальные горизонты, и не состоялось бы тогда этого второго рождения.

Если исходить из того, что мир — не хаос, то придется признать объективность многих процессов, происходящих в обществе и в социальных институтах. Объективно и развитие системы наук об обществе. И в этом смысле тем, кого мы сейчас называем «первыми», суждено было начать. В те годы на арене истории и должны были появиться новые люди, обладавшие, по крайней мере, двумя уникальными

качествами: во-первых, более смотреливыми вперед, чем назад; во-вторых, профессионально готовыми к *самостоятельному* изучению и использованию теорий, методологии и методов современной, по тому времени, социологии. По сути, речь шла о новом типе личности, который был способен услышать пробивавшиеся из толщи социальных отношений вызовы, перевести их на язык науки, приступить к поиску ответов на эти вызовы и доказать обществу, что эта новая наука необходима ему. Таких впередсмотрящих не могло быть много, но и нужны были единицы.

Второе поколение было охарактеризовано как странное и названо «первыми учениками первых учителей». Странность — в том, что учителя и ученики — ровесники, но соединять две эти группы в одно социологическое поколение было бы неправомерным. Переход в социологию представителей второго поколения, к тому времени уже имевших базовое образование и успешную карьеру по избранной специальности, не был бегством от избранной ранее профессии, как и не был результатом «чистой» игры случая. Он произошел либо как развитие, уточнение того пути, который им давал их первичный профессиональный выбор, как развитие предмета и проблематики исследований, начатых ими до обращения к концепциям и методам социологии, либо как ответ на опыт наблюдений ими социальной реальности. Они пришли в социологию, когда «первыми» уже была обозначена самостоятельность социологии как науки, когда уже начинала несколько уменьшаться, снижаться острота конфликта между представителями ортодоксальной марксистской социологии и теми, кто не был согласен с их трактовкой природы и характера социологического знания. «Вторые», во всяком случае их основная часть, имели возможность относительно продолжительное время сосредоточиться на социологическом анализе проблематики, заинтересовавшей их еще до прихода в социологию. Это во многом предопределило особенности их личных профессиональных путей и специфику второго поколения в процессе развития социологии в СССР / России.

Главное отличие третьего поколения от второго заключается в том, что оно осознанно, целенаправленно *рекрутировалось* и создавалось, в основном, первым поколением, тогда как второе приходило в социологию само. Роль, назначение, функции третьего поколения определялись не только временем, политическими, идеологическими и социальными особенностями советского общества второй половины 1960-х — первой половины 1970-х гг., но и в значительной степени научными интересами и личностными характеристиками социологов первого поколения. Многие из них к тому времени были докторами наук или собирались защищать диссертации, авторами основополагающих для отечественной социологии книг, руководителями крупных проектов или подразделений академических институтов. Они имели возможности, правда, не очень широкие, набирать штат сотрудников и руководить аспирантами. И делали это, прежде всего, исходя из собственных научных интересов, текущих производственных потребностей, представлений о том, какими они видели своих младших по возрасту коллег. В силу сказанного это поколение тогда было названо «*призванное помогать*»; в этом была его базовая функция.

Четвертое — самое молодое в моем исследовании в то время (по возрасту они — дети социологов первого поколения) — получило название «*спасенные Перестройкой*». Я полагаю, что перестройка определила своеобразие этой плеяды социологов. Если бы не принципиальные политические, идеологические, социально-экономические изменения, произошедшие в этот период в стране, то профессиональная жизнь четвертого поколения могла бы сложиться принципиально

иначе: концептуальный аппарат, предметно-объектное поле исследований, арсенал методов и прочие аспекты профессиональной деятельности *представителей* четвертого поколения были бы, прежде всего, продолжением освоенного старшими коллегами. Во всем этом было бы мало новизны. Это поколение — последнее, представители которого являются одновременно и советскими, и российскими социологами. Пришедшие за ними — «чисто» российские.

В следующие 2–3 года я не возвращался к разработке деятельностной интерпретации набора поколений, было ясно, что здесь необходима информация о социологах следующих призывов. В 2010–2011 гг., при разработке пирамиды поколений, они были введены «на будущее», было ясно, что придет время для бесед с ними. Сегодня можно сказать, что — в силу разных причин — я затянул с началом подобных бесед, мне все время казалось, что специалисты этих групп «слишком» молоды для учета их мнений, воспоминаний в историко-социологическом поиске. Но отношение к интервью с ними изменилось, когда я обнаружил в «молодых» не только носителей информации о «прошлом» и «настоящем», но — о будущем. Задумаемся, ведь активный период деятельности многих из них придется на середину и начало второй половины XXI в.

Впервые общие соображения о функциональном анализе были изложены мною в первых числах февраля 2015 года во введении к онлайн-публикации интервью с социологом VI поколения Виктором Вахштайном, и на бумажном носителе этот текст не публиковался. Поэтому, Лариса, разреши я процитирую себя:

«Поколенческий подход к прошлому—настоящему—будущему отечественной социологии может рассматриваться как процесс становления и смены поколений социологов, это — общая, генеральная задача. Пока же можно сказать одно, все эти поколения формировались в различных социально-политических средах, на разных этапах развития самой социологии. Инструментом такого историко-научного исследования может стать функциональный анализ, то есть определение и изучение функций каждого из поколений и того, как они осуществлялись.

Тема функций социологических поколений, их ролей в развитии науки стала обсуждаться мною в 2010 г., но тогда в поле моего анализа находились лишь жизненные траектории представителей четырех поколений, и количество опрошенных не достигало и полусотни. Сейчас наступает время вернуться к рассмотрению этой темы, ибо уже есть биографические материалы о социологах семи поколений, и количество опрошенных удвоилось. На конец января на сайте проекта было размещено 96 интервью, кроме того есть около полудюжины законченных бесед, но еще не вынесенных в Интернет, и примерно десяток почти завершенных интервью. «Почти» означает, что в разговоре с собеседниками уже обсуждаются события его жизни в настоящее время». [URL: <http://socioprognoz-ru.1gb.ru/files/File/2015/Vakhshayn%281%29.pdf>].

Тогда же были введены главные, теперь я называю их *доминантными*, функции первых семи поколений. Например, время показало, что первое поколение социологов активно искало темы теоретико-эмпирических исследований (труд, образование, молодежь, деятельность СМИ, общественное мнение, свободное время), большое внимание уделяло освоению эмпирических методов (прежде всего, анкетирование, измерение бюджетов времени, математические приемы анализа), многое делало для перевода западной литературы и пыталось внести в марксистскую методологию новые достижения американских и западных социологов — через участие в международных конгрессах социологов и форумах иного рода, путем организации

сравнительных социологических исследований, способствовало узнаванию достижений отечественной науки за рубежом. Но все же главная функция первопроходцев заключалась в конституировании социологии как самостоятельной науки.

Легко понять, что введение термина «доминантные» сразу указывало на признание *иерархичности* множества функций, присущих каждому из поколений. Функции определяются всем развитием социологии, и в явном или стертом виде они наблюдаются, если не в деятельности всех поколений, то, по крайней мере, — соседних; но доминантными они — скорее всего — являются для одного поколения. Поколения имеют продолжительность в 12 лет, и новые доминантные функции выкристаллизовываются, обозначаются, становятся весомыми лишь к середине периода активной деятельности нового поколения. Поэтому они скорее будут обнаруживаться в интервью с социологами, представляющими младшие страты каждого поколения, нежели в беседах со старшими.

— *Борис, подытожим разговор. Расскажи, пожалуйста, в чем заключается суть ПФА? Каковы процедуры такого рода анализа? Есть ли у тебя к настоящему моменту результаты использования ПФА? Иными словами, удалось ли тебе с помощью этого инструмента ответить на какие-либо вопросы, касающиеся истории социологии в России, какие?*

— Лариса, ну надо же такому случиться... ты спрашиваешь: «В чем заключается суть ПФА?», а моя пока единственная статья по этой теме, увидевшая свет осенью 2015 г., завершается фактически этими же словами. Рассмотрев ряд вопросов, касающихся природы социологических поколений, я отметил: «Для раскрытия сути поколенческо-функционального анализа принципиально отметить, что два наших ключевых образования: поколение и функция поколения — это субстанции, развивающиеся в разных временных пространствах. Поколение — это профессионально-возрастной срез населения, оно несет в себе следы времени рождения, социализации и т.д. Оно существует во внешнем, общем для всех социальном времени. Функция поколения — это производная от состояния науки, которая, естественно, не свободна от внешнего времени, но в известном плане независима от него, имеет свои собственные, внутренние законы развития. Функция поколения развивается во внутреннем, внутринаучном времени. Таким образом, поколенческо-функциональный анализ истории советской и постсоветской социологии — двухтемпорален, это изучение нашего прошлого-настоящего и будущего во внешнем и внутреннем временах» [URL: <http://www.cogita.ru/a.n.—alekseev/publikacii-a.n.alekseeva/sem-pokolenii-rossiiskih-sociologov-i-ih-pokolenii-dominantnye-funkcii>].

Что это означает применительно к характеру исследований, надеюсь, самого ближайшего времени? В общем случае это подразумевает некое синтетическое, историко-научное и историко-культурологическое изучение проблем развития российской социологии. Детали еще видны слабо, но можно говорить, что это будет петлеобразное движение в пространствах «биографии в истории» и «история в биографиях». Ведь поиск никогда не развивается однонаправленно, линейно.

Мне уже приходилось, отвечая раньше на твои вопросы об особенностях планирования моего исследовательского процесса, отмечать его итерационный характер и высокую степень зависимости от эмпирических данных. Другими словами, работая один, я не имею возможности и пополнять коллекцию интервью, и прорабатывать одновременно несколько теоретико-методологических проблем. Тем не менее мне удалось нащупать два (относительно) новых направления, при разработке которых

могут эффективно раскрыться потенциальные возможности ПФА. И в последние полтора года мне удалось немного продвинуться по этим направлениям. Я назову их, и станет ясно, что я следую своему давнему, основополагающему утверждению о «человекоцентричности», или «антропологичности» данного проекта.

Первое из направлений — исследование жизни ученых, оставивших заметный след в развитии науки; здесь решается ряд историко-биографических задач, прежде всего относящихся к нише — *биографии в истории*. В начале 2016 года была написана небольшая книга «Мир Владимира Ядова. В. А. Ядов о себе и его друзья о нем» [Докторов Б. З. URL: <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=451>] в середине года — обстоятельная онлайн-брошюра «Все это вместила одна жизнь» об историке, философе и социологе науки Борисе Григорьевиче Кузнецове [Докторов Б. З. URL: http://www.socioprognoz.ru/hta_9/Publications/tom_9_1.pdf]. Работа над биографиями двух этих ученых дала мне многое для понимания *мира ученого* и механизмов, внутри- и межпоколенных научных коммуникаций. Возможно, что сопоставление «миров ученых» окажется плодотворным приемом при анализе разного рода историко-биографических проблем. Продолжением работы в этом направлении стала опубликованная уже в этом году статья «История науки присваивает себе право, в котором люди отказывают богам: она меняет прошлое» [Докторов, 2017]. Это попытка рассмотреть слабо освещенную в нашей историографии проблему написания биографий современных ученых, которых многие из сегодняшних читателей знали лично и потому имеют о них «не книжное» представление. Замечу, Лариса, что в названной статье я продолжил рассмотрение тем, обсуждавшихся нами в нашем первом, десятилетней давности разговоре: «Захочет ли граф Калиостро посетить моих героев? Рассуждения о том, как и для чего пишутся биографии» [Докторов, Козлова, 2016a]. Выходит, что исследовательский опыт приобретается и осмысливается очень медленно.

Много лет назад на одном из методологических семинаров памяти Г. С. Батыгина у меня было два выступления, напрямую относящихся к нашему обсуждению. В одном из них рассматривались общие соображения о поколенческой стратификации нашего профессионального сообщества [Докторов, 2010a]. За прошедшие годы в этой нише моих поисков произошли заметные изменения. А вот в реализации соображений, анализировавшихся во втором выступлении, я продвинулся мало. Оно называлось «Биографии и история», и речь в нем шла о совместном анализе биографий российских социологов и американских исследователей общественного мнения и рынка [Докторов, 2010b]. Хотя в 2011 году у меня вышла книга о Джордже Гэллапе [URL: http://www.romir.ru/GGallup_ru.pdf], а в начале 2017 года была переиздана книга с подзаголовком «От Гэллапа до Грушина» [Докторов, 2017], мне трудно преодолеть некий страх и в рамках темы «биографии в истории» начать изучение миров российских и американских ученых.

Второе направление я пока условно называю «О тех, кто сам уже не может рассказать о себе». Формально этот подпроект существует столько времени, сколько я провожу интервью с российскими социологами. Ведь каждый из них вспоминает своих ушедших коллег и наставников. Но в 2014 году, хотя в качестве самостоятельного это направление не выделялось, начались мои *биографические* (не автобиографические) беседы, в которых социологи рассказывали о близких им людях. Так, А. Ф. Филиппов поделился воспоминаниями об отце — Ф. Р. Филиппове; В. А. Ядов — о жене, Л. Н. Лесохиной; Р. С. Могилевский — о друге, П. Н. Лебедеве. Участие в V Всероссийском социологическом конгрессе в Екатеринбурге в 2016 г. и беседы с коллегами

разных поколений показали, что необходимо по возможности быстро и настоятельно перейти к интервью подобного типа. Ибо пройдет совсем немного времени, и будет крайне сложно отыскать тех, кто хорошо знал социологов, умерших в последние пару десятилетий (тем более ушедших раньше) и готов поделиться своими воспоминаниями о них. Уже в 2017 г. проведены и опубликованы интервью о З. И. Файнбурге (1922–1990) и В. Б. Олышанском (1927–2001). О них вспоминали их родные и коллеги. В настоящее время идет работа над биографиями Н. А. Аитова (1925–1999), Л. Н. Когана (1923–1997) и Г. П. Щедровицкого (1929–1994).

В плане развития ПФА разработка обозначенного направления позволяет надеяться на раскрытие механизма трансформации *личных достижений* ученых в разряд *достижений поколенческих*. Я вижу в этом некий не известный нам — по результатам теоретико-эмпирических исследований — процесс обобщения фактов, теоретических конструктов, гипотез, накопленных представителями одного поколения, и передачи всего этого следующим поколениям. Пока в СССР социологов было мало, в коммуникационном отношении доминировали личные контакты, они же определяли межпоколенные (внутрипоколенные) связи. В наше время это уже не так. Но на примере судеб умерших представителей первых поколений видно, как сложно вырабатывается система замены разорванных личных связей.

— Борис, спасибо за интересный разговор! По-моему, доминантная функция поколения (несмотря на присущую категориям схематичность) и сам ПФА — это очень конструктивные идеи. Разобраться в строении и развитии российской социологии на протяжении ее шестидесятилетнего существования как дисциплины — сначала неформальной, затем оформленной — невозможно без выделения поколений социологов. Несмотря на то что ты сделал это «математически», поколения (их облик, характер и значение профессиональной деятельности, наконец, их взаимосвязи и динамику внутри науки) не удастся понять без привязки каждого из них к социальному фону. Он слишком изменчив и слишком влиятелен для социологии. Именно социально-исторические события, логика общественной истории, «внешнее время» определяли образ профессиональной деятельности и систему ценностей, а значит и доминантную функцию каждого из поколений российских социологов. (Если говорить о «функции поколения», то, возможно, это она — прерогатива «внутринаучного времени».) Позволю себе уточнение: социально-исторические события, логика «большой истории», по сути, и есть главное основание для классификации поколений (как и для определения вытекающих из нее доминантных функций поколений), а период рождения, таким образом, — лишь производное и предпосылка для классификации. В заключение отмечу, что, на мой взгляд, применение ПФА и категории доминантной функции поколения существенно поможет глубже понимать и интерпретировать многообразие проявлений советской / российской социологии на разных этапах ее развития.

Литература

Вахштайн В. С.: «Мы были “морем молодых”, которые “выползли из тьмы.” Интервью Б. З. Докторову. URL: <http://socioprognoz-ru.lgb.ru/files/File/2015/Vakhshayn%281%29.pdf>.

Докторов Б., Козлова Л. «Захочет ли граф Калиостро посетить моих героев?..». Рассуждения о том, как и для чего пишутся биографии // Докторов Б. З. Современная российская со-

циология: Историко-биографические поиски: в 9 т. [Электрон. ресурс]. Т. 5. Электрон. текст. М.: ЦСПиМ, 2016а. URL: <http://www.socioprognoz.ru/hta_9/Publications/tom_5_1_8.pdf#>.

Докторов Б. З. Современная российская социология: Историко-биографические поиски: в 9 т. [Электрон. ресурс] Электрон. текст. М.: ЦСПиМ, 2016б. URL: <http://www.socioprognoz.ru/hta_9/htm/menu.htm>.

Докторов Б. З. О сделанном и перспективах // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2016в. № 6 (120). С. 24.

«Международная биографическая инициатива» (International Biography Initiative, IBI) URL: <<http://cdclv.unlv.edu/programs/bios>>.

Докторов Б. Современная российская социология. История в биографиях и биографии в истории. Санкт-Петербург: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2013.

Докторов Б. З. К обоснованию поколенческо-функционального анализа истории советской и постсоветской социологии // Калейдоскоп времен: ускорение, инверсия, нелинейность, многообразие / научн. ред. В. Н. Ярская-Смирнова. Саратов: СГПТУ им. Ю. А. Гагарина, 2016 г. С. 77–82. URL: <http://www.cogita.ru/a.n. — alekseev/publikacii-a.n.alekseeva/sem-pokolenii-rossiiskih-sociologov-i-ih-pokolenii-dominantnye-funkcii>.

Докторов Б. Мир Владимира Ядова. В. А. Ядов о себе и его друзья о нём. — М.: ВЦИОМ, 2016д. URL: <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=451>.

Докторов Б. З. Все это вместила одна жизнь. Б. Г. Кузнецов: историк, философ и социолог науки // Современная российская социология: Историко-биографические поиски: в 9 т. [Электрон. ресурс]. Т. 9. М., 2016. URL: http://www.socioprognoz.ru/hta_9/Publications/tom_9_1.pdf.

Докторов Б. История науки присваивает себе право, в котором люди отказывают богам: она меняет прошлое // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2017. № 1. С. 19–23.

Докторов Б. З. Современное российское социологическое сообщество: модель поколенческой стратификации // Междисциплинарность в социологическом познании: материалы методологических семинаров памяти Г. С. Батыгина, 2007–2009 / отв. ред. Л. А. Козлова. М.: ИСИ РАН, 2010а. С. 44–63.

Докторов Б. З. Биографии и история // Междисциплинарность в социологическом познании: материалы методологических семинаров памяти Г. С. Батыгина, 2007–2009 / отв. ред. Л. А. Козлова. М.: ИСИ РАН, 2010б. С. 226–257.

Докторов Б. Джордж Гэллуп. Биография и судьба. М.: Изд-во ООО «Полиграф — Информ», 2011. (URL: <http://www.romir.ru/GGallup_ru.pdf>).

Докторов Б. З. Первопроходцы мира мнений. От Гэллупа до Грушина. 2-е изд. М.: Фонд «Общественное мнение», 2017.

References

Vakhshain V. S. “We were the ‘Sea of the Young’ who ‘Crawled out of Darkness.’” Interview to B. Z. Doktorov. URL: <http://socioprognoz-ru.lgb.ru/files/File/2015/Vakhshayn%281%29.pdf>.

Doktorov B., Kozlova L. (2016a) “Will Count Cagliostro want to visit my heroes?” Thoughts on How and What Biographies are Written for / Doktorov B. Z. Contemporary Russian Sociology: Historical and Biographical Searches. In nine volumes [electronic resource] Volume 5 / Editor of the electronic edition Grigorieva E. I. M.: CSF&M. URL: http://www.socioprognoz.ru/hta_9/Publications/tom_5_1_8.pdf#.

Doktorov B. Z. (2016a) Contemporary Russian Sociology: Historical and Biographical Searches. In nine volumes [electronic resource]. In 9 vol. M.: CSF&M. URL: <http://www.socioprognoz.ru/hta_9/htm/menu.htm>.

Doktorov B. Z. (2016v) On Finished and Prospective Works // The Telescope: Journal of Sociological and Marketing Researches. № 6 (120). P. 24.

International Biography Initiative (IBI) URL: <<http://cdclv.unlv.edu/programs/bios>>.

Doktorov B. (2013) Modern Russian Sociology. History in Biographies and Biographies in History. St. Petersburg: European University in St. Petersburg.

Doktorov B. Z. (2016g) Introduction to the Substantiation of the Generational-Functional Analysis of the History of Soviet and Post-Soviet Sociology. In the collection: A Kaleidoscope of Times: Acceleration, Inversion, Nonlinearity, Diversity / Scientific ed. V. N. Yarskaya-Smirnova. — Saratov: SSPTU them. Yu. A. Gagarin, P. 77–82. URL: <<http://www.cogita.ru/a.n. — alekseev/publikacii-a.n.alekseeva/sem-pokolenii-rossiiskih-sociologov-i-ih-pokolenii-dominantnye-funkcii>>.

Doktorov B. (2016d) Vladimir Yadov’s World. V.A Yadov about himself and his friends about him. URL: <<http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=451>>

Doktorov B. Z. (2016e) This Life Fit All of This. B. G. Kuznetsov: a Historian, Philosopher and Sociologist of Science // Contemporary Russian Sociology: Historical and Biographical Searches. Volume 9. — M. URL: <http://www.socioprognoz.ru/hta_9/Publications/tom_9_1.pdf>

Doktorov B. (2017) The History of Science Gives Itself the Right that People Deny the Gods: It Changes the Past // The Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research. № 1. P. 19–23.

Doktorov B. Z. (2010b) Biographies and History // Interdisciplinary Sociological Cognition: Materials of Methodological Seminars in Memory of G. S. Batygin, 2007–2009 / ed. L. A. Kozlova. Moscow: ISI RAS. P. 226–257.

Doktorov B. (2011) George Gallup. Biography and Fate. M.: Publishing house of LLC “Polygraph-Inform”. URL: <http://www.romir.ru/GGallup_en.pdf>.

Doktorov B. Z. (2017) Pioneers of the World of Opinions. From Gallup to Grushin. 2nd ed. Moscow: Public Opinion Foundation.